

Кажарова Инна Анатольевна

ДЕТАЛЬ КОСТЮМА В КОНТЕКСТЕ ИДЕАЛА РАННЕСОВЕТСКОЙ КАБАРДИНСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье обозначены функции костюмных деталей в построении идеала "нового человека" в раннесоветской национальной поэзии. Наиболее зримо конфронтация старого и нового проявляется в контексте женского костюма. Предпринятые исследования свидетельствуют не только об особенностях построения идеала, но намечают гендерные нюансы осмысления кабардинской поэзии раннесоветского периода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/24.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. II. С. 89-91. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

9. Ковачевич Д. Била једном једна земља. Београд, 1998. 337 с.
10. Меркулова И. А. Квантитативная характеристика лексики сербского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34). Ч. 2. С. 139-142.
11. Поливин Н. Г. Корабельная сторона: роман. М.: Моск. рабочий, 1976. 416 с.
12. Речник српскохрватскога књижевног језика: у 6 д. / Матица Српска; Матица Хрватска. Нови Сад – Загреб, 1967-1976. Књ. 1. 866 с.; Књ. 2. 862 с.; Књ. 3. 910 с.; Књ. 4. 1006 с.; Књ. 5. 1040 с.; Књ. 6. 1040 с.
13. Словарь русского языка: в 4-х т. Изд-е 2-е, испр. и доп. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русск. язык, 1981-1984. Т. 1. 696 с.; Т. 2. 736 с.; Т. 3. 752 с.; Т. 4. 794 с.
14. Прњанский М. Переселение: роман: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 1. 479 с.; Т. 2. 444 с.
15. Прњански М. Дневник о Чарнојевићу. Београд: Нолит, 1987. 126 с.
16. Прњански М. Сеобе: у 3 књ. Београд: Нолит, 1978. Књ. 1. 252 с.; Књ. 2. 464 с.; Књ. 3. 487 с.
17. Шаховский В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. Изд-е 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 128 с.

THE VERBS DESCRIBING THE EMOTION OF ANGER AND THE INDICATIONS OF ITS DISPLAY IN THE SERBIAN AND RUSSIAN LANGUAGES

Kabanova Svetlana Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ogarev Mordovia State University
kabanovas1@rambler.ru

In the article by the material of literary texts in the Serbian and Russian languages the physical displays of the emotion of irritation / spite / anger / fury are considered. The syntax of verbal predicative forms, phraseological combinations and analytical predicative expressions which are used for the nomination of physical displays of the emotion is analyzed. The factors which provoke the mentioned emotions and the indications of the display of the corresponding emotional states are given.

Key words and phrases: subject of state; emotional state; predicative verbal form; verbal-noun combination; phraseological unit; syntactical equivalence; standard situation; indications of emotion display.

УДК 821.35.0

Филологические науки

В статье обозначены функции костюмных деталей в построении идеала «нового человека» в раннесоветской национальной поэзии. Наиболее зримо конфронтация старого и нового проявляется в контексте женского костюма. Предпринятые исследования свидетельствуют не только об особенностях построения идеала, но намечают гендерные нюансы осмысления кабардинской поэзии раннесоветского периода.

Ключевые слова и фразы: идеал человека; деталь костюма; облик героя; женский костюм; образ женщины.

Кажарова Инна Анатольевна, к. филол. н.

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
barsello@rambler.ru

ДЕТАЛЬ КОСТЮМА В КОНТЕКСТЕ ИДЕАЛА РАНЕСОВЕТСКОЙ КАБАРДИНСКОЙ ПОЭЗИИ[©]

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Российская поэзия минувшего столетия с точки зрения внешнего облика ее героев пока не изучена, между тем этапы ее истории, на которых устремленность к идеалу человека выразилась с особой экспрессией, интересны с точки зрения культурных смыслов, которые просматриваются через их «костюмный антураж». Цель данной работы – определить значимость костюмных деталей в построении так называемого идеала нового человека в пролетарской поэзии классика кабардинской литературы А. А. Шогенцукова (1900-1941). Наиболее масштабно перемены, наметившиеся в привычном укладе кабардинцев с установлением советской власти, сказались в судьбе женщины, которая ранее проявляла себя в общественной жизни лишь опосредованно [2]. В поисках нового эталона возникла героиня стихотворения А. Шогенцукова «Лина-трактористка» (1931) [4]. Сообразно роли, востребованной в предлагаемых обстоятельствах, речь шла о девушке, оседлавшей «сурового железного коня». В плане эстетики новизна образа передавалась лишь через каноническую для новой действительности деталь одежды – развевающуюся на ветру красную косынку.

В четырех строфах из пяти, составивших стихотворение, героиня обозначена метафорически, через деталь одежды («красная косынка», «красная головка»), имя же собственное – только в заглавии произведения. Типизация образа, по сути, сведена здесь к отсутствию внешних черт. Есть только покоряемая действительность и яркий атрибут покорительницы. Но подобный образ и намеченный им этико-эстетический вектор в освещении идеала новой женщины закрепляется в творчестве Шогенцукова ненадолго. В 1935 году в кабардинскую поэзию входит ряд произведений, приуроченных к Первому съезду трудящейся женской молодежи Северного Кавказа. На волне этого события появляются два перекликающихся друг с другом произведения – «Сатаней» и «Сатаней-красавица». В них проступают зачатки конкретизации облика и меняющейся психологии новой горянки. Так, начальные строки «Сатаней» дают понять, что новое читается уже в ее взгляде: «Нэ фЫцІэ пІашэхэр кЫызэплэмэ, / Иджы нэбжьыщхэр пэуэжкЫым, / Уи кЫамыл Іэпэхэр, уукЫытэу, / Уи ІэльэщІ кІапэм хэплъхэнкЫым. // Уи жьэгъуху цЫкІухэр пщІэнтІауэ / Гуэлмэдын фЫцІэкІэ кЫузакЫым, / А уи бгъэ цЫкІухэр зыхузу / Щыта куэнышЫбэри пшыгЫжкЫым» [Там же, с. 112] / «Черные большие глаза, на меня глядя, / Теперь ресницами не создают преграду, / Твои камышового оттенка пальцы, стесняясь, / В концы черного платка не станешь прятать. // Твой белый подбородочек, взмокая, / Черным шелковым платком не утянут, / А груди твои маленькие теснящего / Корсета ты уже тоже не носишь» (здесь и далее переводы подстрочные – И. К.). Прямой взгляд женщины, обращенный к мужчине, в рамках кавказского менталитета – уже невероятный для своего времени прорыв. «Женщине не только не свойственно было находиться в обществе мужчины, но и при случайной встрече с ним она опускала свой взор и быстро проходила» [1]. Революционность этого прорыва подкрепляется и указанием определенных костюмных деталей, вернее, указанием отсутствия этих деталей – платка и корсета. Платок ретроспективно «оформляет» беспокойный жест смущения, которое уже не вписывается в образ уверенной в себе героини. Так же как и корсет, он «стягивающий», «теснящий». Их отсутствие выступает одним из символов свободы, которая завоевывается в том числе и через отвержение прошлого. Стихотворение основано на соотношении двух планов – того, что отвергается из прежней жизни, и того, что пришло в настоящее. Ушедшее показано через отрицание: «ресницы не создают преграду», «черным шелковым платком не утянута», «теснящего корсета не носит», «нет тех», кто обречет ее на домашнее заточение и т.д. Все новое маркировано ее красотой: «она указывает белой рукой», «слаженно трудится», она «красавица большеглазая», «моя красавица, моя душа», «цветущая», «все преображающая». Корсет находится в ряду отвергаемых реалий старого мира. Сообразно действительности меняется облик Сатаней, но смысл изменения не ограничивается сферой художественного символизма, а диктуется вполне реалистичными директивами эпохи. Отвергается, по сути, основа женской национальной одежды. Корсет в традиционной адыгской культуре формирует образ идеальной красавицы, предполагающий тонкий стан и осиную талию. Ношение корсета представительницами адыгского этноса никогда не являлось данью переменчивой моде, это была традиция. В истории преображения Сатаней утверждение нового идеала соприкасается с политической историей вытеснения властью Советов женского национального костюма: «На областном съезде общественниц в Нальчике в 1927 году была объявлена борьба с ношением национальной одежды как —прежитком буржуазного общества», тот же вопрос прорабатывался и бытовыми комиссиями в 1929 году» [3]. В этом смысле *шелковый платок* и *корсет* составляют мировоззренческую оппозицию красной косынке Лины-трактористки. Но, с другой стороны, в отличие от никак не обозначенного облика Лины, облик Сатаней осмыслен, если можно так сказать, под традиционалистским углом зрения. Безусловно, Сатаней обретает новые социальные роли, раскрывает новую суть, но, находясь на стыке прежних ценностей и новой социальной яви, тяготеет в большей степени к тому, чтобы остаться в пределах женственности в ее адыгской интерпретации, – это девушка с длинными волосами, красота которых передается через традиционный эпитет, в который, кстати, внедрен элемент национальной одежды: «Сэтэней дахэу нэ пІашэ, / Дышэгъуэ щхэыцыр зи щІаКІуэ» [4, с. 113] / «Сатаней красавица большеглазая, / Золотисто-русые волосы чья бурка». Обилие характеризующих эту красоту слов воспринимается как попытка примирения нового и привычного, пусть не реакционного, но стереотипного прочтения женского образа. Героиня Шогенцукова «*преображающая*», «*красивая*», «*цветущая*», «*в солнечном луче растущая*». Меняется лишь костюмный антураж, но этическое наполнение идеала женщины, требования, к нему предъявляемые, остаются прежними – новая женщина несет в себе украшающее и преображающее жизнь начало. Таким образом, автор замыкает своеобразный круг, отвергая символы закрепощения, намечая знаки новой личности и вновь возвращаясь к традиционному этническому идеалу. Подтверждением сказанному выступает стихотворение «Сатаней-красавица». Приветствуя, как и прежде, новую женщину и ее новые роли, автор дает себе полную свободу погружения в стихию национальной обреченности, интерпретируя и героиню, и ее деяния в мифо-фольклорном ключе. Изображение ее плавных движений перемежается указанием ее общественных свершений, и все вкуче напоминает магическое действо, соответствующее образу фольклорной Сатаней-гуаши. Она «*слагает песню*», «*поднимая белую руку к старым вершинам*»; «*тянется к дальним облакам*»; «*встает, солнцем Кабарды поднимается*». В этот ряд введены «правильные» с позиции идеологических ожиданий времени свершения: «Шыпхэу хэжежэм еджэжу, / ЩІэныгъэр исэу кьежьаш» – «*Дремлющих (еще) сестер призывая, / Сея знание, направилась (она)*»; «Сэтэней дахэр тэджаш, / ЦЫхубз уэчылуи уващ. / Дахэурэ, хуэмурэ мэпсалэ, / Ізээрэ, шабээрэ мэгиер» [Там же, с. 114] / «Сатаней-красавица поднялась, / Защитницей женщин стала, / Красиво, тихо говорит, / Мудро, мягко упрекает». Как видим, все проявления новой горянки корректируются в свете привычных

для адыгской ментальности представлений о женском поведении: все свершает *мягко, тихо*. Ее «прежние одежды» подобны непроницаемым покровам природы: «Пшагъуэхэр, Иугъуэхэр и джанэу... / Къэнэнт а пщачэр мыгъасэу?» [Там же] / «(Из) туманов, дымов в рубаху одетая... / *Разве осталась бы эта девушка необученной?*». А новое одеяние означено в традиционной для эпохи «лучшейся» палитре: она «*окарашивается времени солнечным лучом*», она «*сверкает, в знания одежде облачается*». Ее устремления полностью соответствуют идеологии нового времени, но при этом нет соответствия каноническим моделям поведения пролеткультовской героини. Всякий раз изображается не движение, а царственный жест Сатаней, не действие, а действо. Перед нами древний образ, преломленный в свете новых идеологических ожиданий. Такой идеал дисгармоничен в отношении пролеткультовской логики, но последователен в смысле полного соответствия интерпретации женственности конкретным этносом.

Главное, что отличает функции деталей мужской одежды в текстах рассматриваемого периода, это то, что никаких перемен, соответствующих духу нового времени, с ними не происходит. Они всегда символизируют доблесть. Так, стихотворение «Данох», стилизованное под женскую песню-плач, завершается следующими словами: «*Афэ Изгъуапэу шуупэ щалэм / И льягъуныгъэр сшагъэгъупщэнкъым, / Пшы лЫжь / ЗэбубыдылПэкIэ кьохуэбэкIынкъым*» [Там же, с. 184] / «*С кольчужными рукавами ведущего всадника / (Его) любовь позабыть меня не заставят, / Старика-князя полуседого с кожей окоченевшей, / От того, что к себе привлечешь, тебя не согреет*». Наряду с привычными деталями в поэзию приходит и нечто новое, так, шинель и национальная мужская одежда оказываются в одном семантическом поле. В стихотворении «Баю-бай, мой мальчик» обнаруживаем такой фрагмент: «*Уэ Дзэ Пльыжьым шынепхэм / Орден инхэр пхурадэ*» [Там же, с. 138] / «*Старшие братья тебе книги / Золотыми буквами печатают, / Для тебя Красная Армия на шинелях / Ордена большие прикрепляет*». Шинель параллельно с кольчужой выступает как символ доблести, с той лишь разницей, что детали мужского национального костюма на всех этапах развития кабардинской поэзии имеют нравственное измерение. Кольчуга, черкеска – это всегда смысловая отсылка к этическому кодексу адыгов (*адыгэ хабзэ*), не столько символ определенной эпохи, сколько символ нравственной высоты.

Попытка рассмотреть тексты А. Шогенцукова с точки зрения «костюмных смыслов» уже в первом приближении позволяет предположить, что в произведениях, появившихся в период радикальных общественных преобразований, выбор идеала осуществлялся в том числе и через выбор костюмного облика, но лишь в контексте женского одеяния наблюдается сопоставление/противопоставление прошлого и современности. Новое время диктует новую мораль, иные модели поведения, в рассмотренных образцах намеченные через прямой взгляд Сатаней, свободной от «теснящего грудь корсета», через красную косынку Лины, оседлавшей «железного коня», однако этический идеал художника, просвечивающий сквозь эстетические трансформации, остается прежним.

Список литературы

1. Сагирова М. Горянка в Советском Союзе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.islamdag.ru/istoriya/13390> (дата обращения: 01.04.2014).
2. Текуева М. А. Повседневная жизнь женщины в адыгском традиционном обществе [Электронный ресурс]. URL: http://www.kbsu.ru/Info/sgi/sgi_Tekueva1.doc (дата обращения: 05.02.2014).
3. Текуева М. А. «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии в 1917-1941 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kbsu.ru/Info/sgi/sgi_Tekueva2.doc (дата обращения: 12.03.2014).
4. Шогенцуков А. А. Сочинения. Нальчик, 2000. 432 с.

COSTUME COMPONENT IN THE CONTEXT OF THE IDEAL OF EARLY SOVIET KABARDIAN POETRY

Kazharova Inna Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Kabardian-Balkarian Institute of Humanities Research
barsello@rambler.ru

In the article the functions of costume components in the construction of the "new human" ideal in early Soviet national poetry are denoted. The confrontation of the old and the new is showed in the most visible way in the context of woman's costume. The undertaken research indicates not only the peculiarities of the ideal construction but also outlines the gender nuances of the comprehension of the Kabardian poetry of the early Soviet period.

Key words and phrases: human ideal; costume component; hero's appearance; woman's costume; woman's image.